

**КНИГИ
АНАСТАСИИ ГОР**

2:36 по Аляске

**ТРИЛОГИЯ
«КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН»**

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

ДИЛОГИЯ «РУБИНОВЫЙ ЛЕС»

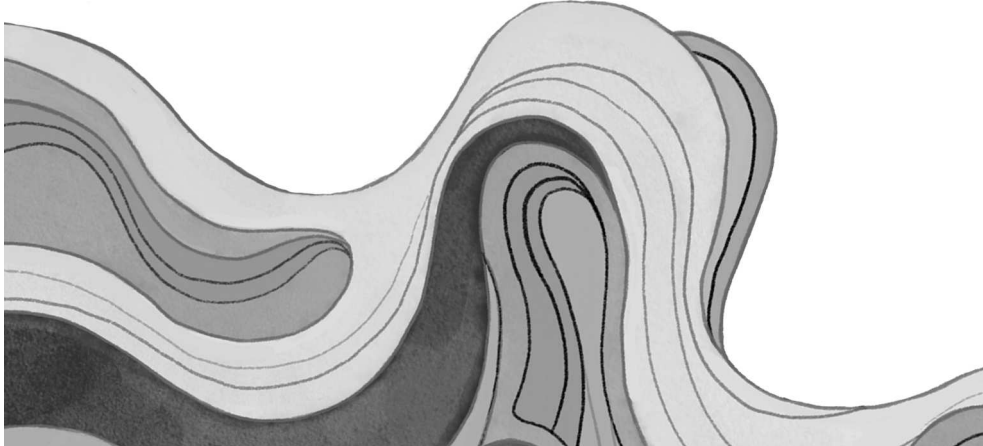
Рубиновый лес
Кристальный пик

РОМАН-ОДНОТОМНИК

Самайнтаун

**ЦИКЛ
«СКАЗАНИЯ О МОНОНОКЕ»**

Сказания о мононоке

月口廿口廿口長王
巳長升之升廿口月口
丁口口
升廿升巳丁升巳口

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрации *bagu*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Гор, Анастасия.

Г67 Сказания о мононоке / Анастасия Гор. —
Москва : Эксмо, 2025. — 672 с.

ISBN 978-5-04-222272-6

Четыре заповеди чтут жители страны Идзанами: живи по сердцу, работай по уму, отвечай добром на добро, а если умер от несправедливости, то упокойся с миром. Но сказать проще, чем сделать. Сотни духов, жаждущих отмщения, населяют Идзанами вопреки её святым заветам. Их называют мононоке, и нет ничего страшнее, чем когда в твоём доме объявляется один из них.

Хочешь вернуть покой — плати экзорцистам или жди таинственного Странника. Говорят, духи боятся одного его имени. Юная госпожа Кёко Хакуро из обедневшего дома потомственных экзорцистов считает, что единственный способ восстановить доброе имя семьи — это превзойти Странника. Но сначала его нужно как-то найти... И убедить стать ей учителем.

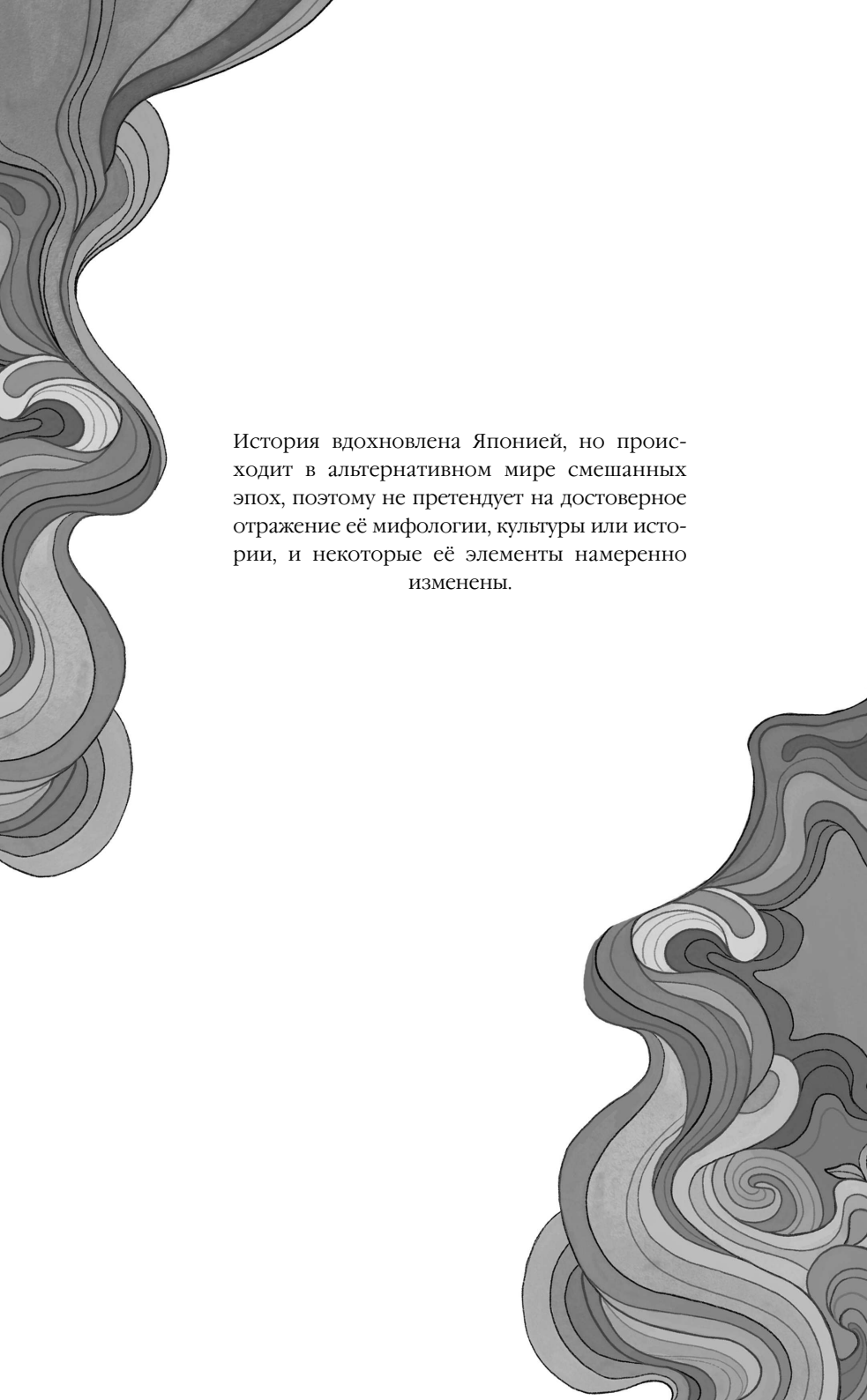
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гор А., текст, год издания 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222272-6

*Посвящается моим котам Персику,
Усику и Себастьяну, которые доказали,
что демоны существуют
на самом деле.*

История вдохновлена Японией, но происходит в альтернативном мире смешанных эпох, поэтому не претендует на достоверное отражение её мифологии, культуры или истории, и некоторые её элементы намеренно изменены.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

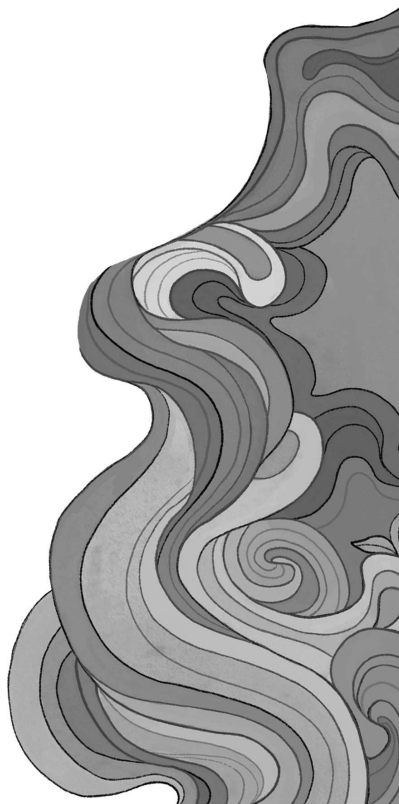
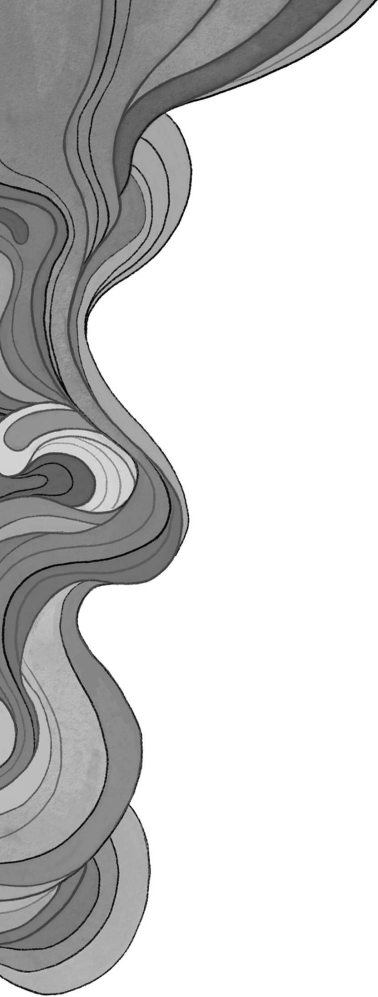
ЮНАЯ

ГОСПОЖА

И ХИТРЫЙ

ДЕМОН

Сами боги позаботились о том, чтобы Кёко Хакуро никогда не стала экзорцистом. Её жизнь началась с того, что она умерла.

— Почему не кричит?... Почему не кричит?!

Дедушка был первым, кто принял Кёко на руки даже вперёд повитух, суетившихся с горячими полотенцами, вымоченными в рисовой водке, вокруг роже-ницы. Он же и унёс Кёко, этот скрюченный клейкий свёрток, которым она тогда была, из комнаты, чтобы мать не слышала звенящей тишины, что воцарилась в комнате вместо торжественных звуков рождения. Кёко не заплакала, как плачут все дети, делая первый вздох, потому что не было этого вздоха: пуповина обвилась вокруг шеи так туго, что попросту не оставила для него места. Холодной была кожа Кёко, синюшной и чешуйчатой, в запёкшихся багряных сгустках. Примчавшийся дедушка не дал её ни разглядеть, ни вытереть — побегал затем в оружейную и там бросил Кёко на стол, чтобы перерезать кольца задушившей её пуповины семейным мечом *Кусанаги-но цуруги*. Словно надеялся обернуть против смерти мощь и ярость десяти тысяч мононоке, заключённых в него. Но с чего бы им, злым духам, насильно отправленным

на покой, да так и не обретшим его, помогать младенцу?

И Кёко осталась мёртвой.

Такой она пробыла даже дольше, чем ушло у её дедушки, Ёримасы, на то, чтобы вырезать из дерева сакаки фигурку священной лани, стерегущую теперь домашний алтарь. А вырезал он её очень старательно, надеясь тем самым умиловить богов, когда у его невестки начались схватки. То случилось в девятый день девятого месяца года. Словом, всё с самого начала предвещало новорождённому одни лишь страдания¹. Не найти худшего времени, чтобы привести в мир ребёнка — даже женщина-они² и та бы стиснула зубы, но протерпела до следующего утра.

Невестка старого Ёримасы, однако, стерпеть не смогла. Разродилась, как назло, быстро, ещё и в час Быка, около двух часов ночи, когда правят сплошь тёмные силы. Повитухи даже кадки с водой натаскать не успели, только на корточки её усадили и помогли схватиться за крепления под потолком, чтобы не завалилась³.

Ладонь у Ёримасы совсем огрубела после долгих лет обращения с мечом, и кожа Кёко сразу пошла мозолями там, где он остервенело растирал её узкую грудку. Будто высечь искры из неё пытался. Рёбра, ещё мягкие, податливые, как тесто, гнулись под заскорузлыми пальцами, едва не ломаясь. Сломался бы и сам стол, приложи Ёримаса хоть чуточку больше усилий. Он ворочал щуплого младенца с боку на бок, тряс, как

¹ В японском языке иероглиф «девять» при чтении созвучен слову «страдание».

² Они — человекоподобные демоны, изображающиеся с клыками и красной кожей.

³ В Старой Японии рожать было принято на корточках, чтобы кровь, считающаяся грязной по синтоистским верованиям, не пачкала роженицу.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

зонтик после дождя, хлопал по спине, насильно вталкивая человеческий жар в то, что самими богами не было для него предназначено. Всё потому, что Ёримаса верил свято: даже богов можно переубедить. Особенно если ты всю жизнь положил к ногам мёртвых, чтобы даровать покой живым.

Вот он и не сдавался.

Подпрыгнул несколько раз перед столом, отбил пяткой по полу, хлопнул в ладоши, привлекая внимание небес, как делали в храмах, и трижды воскликнул:

— Идзанами, Идзанами, Идзанами!

Только она, решил Ёримаса, способна здесь помочь. Только она может вмешаться, снова зажечь в Кёко то, что остальные боги, её дети, затушили. Ибо и сама Идзанами мать, породившая восемь миллионов kami и всех людей. А как мать может не откликнуться на слёзы и скорбь другой матери? Те были слышны Ёримасе и фигуркам на алтаре даже сквозь дюжину сёдзи¹, разделявших его оружейную со спальней и родильным ложем.

Повитухи, закалённые детскими смертями и тишиной, которой заканчивались каждые девятые роды — определённо несчастливое число в жизни Кёко, — давно разучились скорбеть и бороться с судьбой, поэтому утешали её мать чёрство: «Ну-ну, тише, родишь ещё!» Все они ждали, когда же старый суеверный оммёдзи тоже успокоится. Ведь богов, знали повитухи, невозможно переспорить.

Но старого Ёримасу они, очевидно, знали и того хуже.

— Вы слышите плач, госпожа? Это ребёнок плачет, ребёнок! Ох, госпожа...

¹ Сёдзи — раздвижная дверь, окно или перегородка, разделяющая внутреннее пространство жилища.

Покрывая фигурки для домашнего алтаря глазурью — Ёримаса выстрегал новую каждый раз, когда замечал, что живот его невестки снова прибавил в объёме, — он молился о внуке, что сможет испить с вином пепел былой славы их дома и воскресить его величие в своём дыхании. Но боги всегда слушали молитвы вполуха. Потому и подарили ему не внука, а внучку, заодно отобрав у неё всё, что могло бы исполнить дедушкины чаяния, включая это самое дыхание. Должно быть, не следовало ему водить дружбу с ёкаями¹ — так он лишь прогневил богов... Но разве виноват Ёримаса, что порой с мононоке без них не справиться? Или что они мешают такое вкусное тосо — горячее саке со специями, способное согреть даже в самую студёную зиму? Хотя, может, дело было не в нём и не в ёкаях, а в его сыне, привезшем с собой чужеземку из странствий, совсем не похожую на наследницу третьего дома оммёдзи, которую ему сватали изначально. Впрочем, какая уж разница? Нет её, этой разницы. Только не тогда, когда внучка Ёримасы так завизжала у него на раскрытых ладонях, словно надеялась остаться мёртвой.

Синюшность ушла, растворилась во вновь забурлившей крови. И пусть осталась нездоровая бледность с выбеленными радужкой и зрачком левого глаза, Ёримасе новорождённая Кёко показалась совершенно очаровательной. Стоило ему взяться за хлопковые пелёнки, чтобы поскорее завернуть её и приложить к материнской груди, как те промокли насквозь — так сильно он вспотел. Да одним его кимоно, если выжать, можно было бы вымыть весь дом! Пока Ёримаса пытался кое-как обтереться, чтобы никого не смутить, голоса и все прочие звуки за сёдзи исчезли.

¹Ёкаи — сверхъестественные существа, обычно под ними понимаются демоны.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

Мать на родильном ложе больше не плакала. И не радовалась тоже.

Матери больше не было.

Зато осталась Кёко, и визжала она ещё с неделю, да так истошно, что дедушка снова начал молиться Идзанами и стругать оленьих кукол, умоляя простить его роду все грехи, за которые Кёко была им ниспослана.

— Хватит, дедушка! Это скучно и совсем не смешно.

— Как же так? Ты ведь всегда до икоты хохочешь с того, как я об этом рассказываю... Неужели моя Кёко выросла?

— Хочу послушать что-нибудь другое, не про себя! Про тебя хочу. Расскажи о мононоке, дедушка!

Как и историю своего рождения, всё об их мире и о том, что страшного и завораживающего в нём есть, Кёко узнала от Ёримасы. Ей было три, когда её посвятили в ремесло их рода и объяснили, почему у них на пороге иногда стоят понурые незнакомцы в траурных одеждах, увешанные защитными амулетами, хотя, заросшая дремучими ивами, что прекрасно отгоняли от дома любое зло, земля Хакуро сама по себе являлась защитой. А уж на чайной террасе, под ветвями вечно цветущей ивы *хакуро*, бояться было нечего и подавно. Покрытая бархатными розовыми лепестками, она, вопреки законам природы, вымахала в три-четыре раза выше дома. Именно там дедушка Кёко, Ёримаса Хакуро, и принимал тех, кого на людях называл «заказчиками», а в узком семейном кругу — «жертвами». Иногда Кёко составляла ему компанию, садилась на специальную плоскую подушечку-дзабутон после того, как приносила гостям пиалы с сенча, и тоже слушала, что же у них стряслось. Кто умер и отказывался упокоиться вопреки святым заветам на этот раз.

— Поверить не могу, что мой муж хочет забрать нас всех с собой в могилу! — рыдала вдова, и пиала в её пальцах дрожала сильнее, чем сами пальцы, отчего ненароком можно было заподозрить и притворство. И всё же не столь было оскорбительным лицемерие, сколько то, что она проливали на своё хомонги¹ один из самых дорогих сортов чая, который только можно подать гостям. — Он ведь при жизни и мухи не обидел! Был таким покладистым, совсем не упрямым, даже не гордецом — при его-то достатке... Как же извращает людские души смерть!

— Это делает, госпожа, не смерть, — отвечал ей Ёримаса, оставляя пометки кистью на деревянной дощечке. Кёко, подпрыгивая на своём дзabutоне, смогла рассмотреть и прочесть из-за его плеча лишь иероглифы «жадность» и «жена». — Это с ними делает несчастная жизнь, которую они прожили, не найдя в себе смелости превратить её в счастливую.

Иногда гости покидали чайную террасу, даже не зайдя в сам дом, демонстративно опрокинув чашки или вовсе чайничек, чтобы красноречиво намекнуть: в услугах Хакуро после таких оскорбительных разговоров они больше не нуждаются. Людям, объяснял дедушка Кёко, просто претит правда, но именно в том, чтобы её выяснить, и заключается истинная работа оммёдзи. Ведь не способен обрести покой тот, кто не был услышан и понят.

«Несчастливая жизнь?! Да моя дочь жила как принцесса! У неё было всё!» — ответил как-то Ёримасе купец, слышав подобное. И так отвечало большинство. А потом неизбежно оказывалось, что это «всё» подразумевало лишь ожерелья из яшмы, шёлковые

¹Хомонги — кимоно для официальных визитов, обычно неброского цвета и без вычурных деталей.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

кимоно и внимание слуг. Но не защиту от родительских унижений или мужа, выбранного поневоле, злоупотреблявшего sake и изнасиловавшего свою жену уже через два часа после того, как она явила на свет его первенца. А иногда под личиной мононоке и во все оказывалась никакая не дочь, а человек, чьё имя пытались утопить на дне семейной истории, привязав к нему камень, дабы скрыть навлечённый позор или собственное злодеяние. Словом, лжи в работе оммёдзи хватало с лихвой. Она всегда предшествовала появлению нового мононоке, и не было ничего предосудительного в том, что Ёримаса окружал себя правдой во всём, в чём только мог. Возможно, поэтому он и любил рассказывать Кёко истории из прошлого, ведь не существовало ничего честнее.

— Вы сможете упокоить его душу? — всхлипывая, спросила вдова, всё-таки вернувшись в дом Хакуро двумя неделями позже, когда мононоке сжил со света и всех её слуг, и ещё двух других экзорцистов, нанятых откуда-то издалека.

— Упокоить, боюсь, что нет, — ответил Ёримаса и тут же пояснил, когда вдова переменилась в лице: — Если душа уже переступила черту, поддалась злему умыслу и обратилась в мононоке, то ничего, кроме другого злодеяния, её не упокоит. Но сделать так, чтобы супруг не потревожил вас больше, я могу. Это зовётся *изгнанием*. В конце концов, мы, оммёдзи, не просто так носим вместе с талисманами ещё и мечи...

— Знаешь, почему эта ива такая высокая и не опадает даже в *кан-но ири* — «приход ужасных холодов»? — спросил Кёко дедушка, когда они в очередной раз пили травяной чай под её ветвями.

В ту пору кан-но ири как раз и начинался — того и гляди мог пойти первый снег. Но в чайном домике